

Внезапный выпад застал Юнь Мэнцзэ врасплох. Первая же вспыхнувшая мысль: извращенец, маньяк, преследователь!

Сон сняло как рукой. Он тут же ударил локтем назад, но выпад перехватили. Незнакомец прижал ладонь к его глазам и бессовестно тихо рассмеялся.

У Юнь Мэнцзэ был чуткий слух — голос Фэн Дунъюэ он узнал мгновенно. Сдернув чужую руку с лица, врач убедился: рядом действительно восседал этот величественный босс. На его обычно каменном, неживом лице сейчас застыла мягкая, довольная улыбка, будто ему вкатили ударную дозу жизненных сил:

— А губы у тебя прохладные... Мягкие, упругие, совсем как карамельный пудинг, что я ел сегодня днем. Интересно, такие же сладкие на вкус?

****[Внимание: Системный сбой (Null)]****

Кажется, организмом Фэн Дунъюэ владела какая-то аномалия: любая система прохождения, попадавшая в его тело, неизменно сбоила. Наверное, именно поэтому они вечно получали чужие сценарии.

Поняв, что Фэн Дунъюэ всего лишь мимоходом коснулся его губ пальцем, Юнь Мэнцзэ с облегчением выдохнул. Посмотрев на этого психа с настороженностью, он спросил:

— Господин Фэн, вы зачем среди ночи нацепили солнцезащитные очки? Не боитесь расшибить себе лоб на ровном месте?

— С моей силой я не споткнусь, даже если зажмурюсь. — Уловив в словах Юнь Мэнцзэ «заботу», Фэн Дунъюэ просиял, хотя внутри вспыхнула укоризненная нежность. — Никто и никогда не видел моего истинного лица под маской. Ты действительно так жаждешь взглянуть?

— Пожалуй, воздержусь. Держите его при себе. — Юнь Мэнцзэ усмехнулся, прижав ладонь ко лбу, после чего недоверчиво прищурился: — Господин Фэн, а каким образом вы вообще прошмыгнули мимо охраны в такой час?

Завтра же нужно обстоятельно поговорить с начальником службы безопасности. Требовалось усилить меры защиты санатория и обновить главную систему.

— Вообще-то я собирался спать. Но когда затворял дверь, заметил, как по коридору прошмыгнул какой-то белый силуэт, и решил проверить. Кто же знал, что я встречу тебя? — Фэн Дунъюэ с глубокой серьезностью выдал объяснение, после чего обворожительно улыбнулся: — А ведь связь между нами действительно невероятно сильна... Где бы ты ни находился, меня неудержимо влечет к тебе.

На самом деле он поджидал Юнь Мэнцзэ несколько часов — исключительно ради того, чтобы взглянуть на него хоть одним глазком. Убедившись, что тот вернулся целым и невредимым, он не чувствовал ни малейшей усталости.

Юнь Мэнцзэ едва заметно нахмурился:

— М-да... Выходит, дедушка на воротах был прав.

— И что же он сказал? — поинтересовался Фэн Дунъюэ.

— Сказал, что собаки вроде Дахуана способны видеть то, что недоступно человеческому глазу.

Фэн Дунъюэ ничуть не обиделся. Он продолжал смотреть на врача с улыбкой в глазах, будто перед ним покоилось бесценное сокровище, упустишь которое из виду — и будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.

Даже сквозь темные стекла очков Юнь Мэнцзэ чувствовал, как его кожа буквально горит под этим пристальным, жарким взором.

— А тебе идет это белое платье. Специально нарядился ради меня? — с усладой проговорил Фэн Дунъюэ.

Юнь Мэнцзэ опустил взгляд и только сейчас сообразил, что, отправляясь в главный корпус, по рассеянности накинул белый медицинский халат. С его-то нулевой стойкостью к алкоголю в будущем придется разбавлять любое вино водой, не иначе:

— Господин Фэн, у вас что, рассудок помутился? Это же врачебный халат.

— Рядом с тобой мне трудно сохранять рассудок, — Фэн Дунъюэ тихо рассмеялся и с особой осторожностью сжал его ладонь. — Ночной ветер прохладен. Замерз?

Юнь Мэнцзэ отродясь не видел, чтобы шурин грел руки мужу своей сестры, а потому поспешно выдернул пальцы. Фэн Дунъюэ ничуть не расстроился — он с улыбкой скинул пиджак и накинул его на плечи Юнь Мэнцзэ, заботливо произнеся:

— Хоть наряд и хорош, но на улице похолодало. Не стоит одеваться так легкомысленно, а не то простудишься.

— Да не холодно мне... — Юнь Мэнцзэ попытался снять пиджак.

— Я, конечно, не против ухаживать за тобой во время болезни, но моя сестра явно не захочет

видеть твои страдания. — Представив, как Юнь Мэнцзэ будет сворачиваться калачиком под одеялом с горящими от жара щеками, Фэн Дунъюэ почувствовал, как сердце накрывает волна нежности. Тем не менее он прижал ладонь врача, не позволяя снять пиджак: — На нем остались мое тепло и мой запах. Чувствуешь себя так, словно я обнимаю тебя?

От этих слов Юнь Мэнцзэ показалось, будто чужое тепло, исходившее от ткани, стало невыносимо горячим. Он тут же запихнул пиджак обратно в руки Фэн Дунъюэ:

— У меня аллергия на подобные ощущения.

Картина, где шурин обнимает зятя, выглядела чересчур смущающей и явно вызвала бы эстетическое отторжение.

Фэн Дунъюэ сочел Юнь Мэнцзэ капризным и немного своенравным.

Впрочем, именно эта своенравность и капризность нравились ему больше всего.

Лишенный романтического настроения доктор Юнь указал пальцем в сторону зоны А:

— Я провожу вас. И больше не сбегайте.

Время было позднее, Юнь Мэнцзэ наверняка валился с ног от усталости. Разум Фэн Дунъюэ подсказывал: «Хорошо, тебе тоже пора отдохнуть», однако чувства упрямо требовали: «Побудь со мной еще немного, совсем чуть-чуть».

За сотую долю секунды разум разлетелся в прах. Ему хотелось смотреть на Юнь Мэнцзэ еще и еще, пусть даже пару минут. Тем более что он приготовил сюрприз:

— погоди. Я должен кое-что тебе показать.

Вокруг не было ничего, кроме деревьев и фонарей. Юнь Мэнцзэ недоуменно уточнил:

— И что же?

Только бы он не заставил его, подобно предыдущему завоевателю, любоваться луной.

Фэн Дунъюэ снисходительно улыбнулся, отдал команду смарт-браслету и набрал Ли Юю:

— Помощник Ли, начинай.

Похоже, всё было спланировано заранее, и Ли Юй ждал в засаде. Юнь Мэнцзэ забеспокоился, как бы этот босс не устроил шумиху, подняв на ноги весь район, однако вокруг царила полная тишина.

— Пять, четыре, три... — отсчитывал Фэн Дунъюэ, не сводя глаз с Юнь Мэнцзэ. Наблюдать за его напряженным лицом было настолько упоительно, что ужасно хотелось сгрести доктора в охапку и зарыться носом в его плечо. — Два, один.

Стоило последнему слову слететь с губ, как в распахнутых глазах Юнь Мэнцзэ отразился ослепительный сноп света, взмывший прямо к небосводу.

Ночной небосвод расцвел пышными, ослепительными букетами огней. Роскошные, яркие салюты сменяли друг друга: от разлетающихся «горящих сердец» до величественных каскадов серебряных водопадов. Несмотря на то что зрителей было всего двое, размах фейерверка ничем не уступал грандиозному общегородскому празднеству.

Юнь Мэнцзэ чуть закинул голову и лишь спустя некоторое время сообразил, что залпы гремят за пределами санатория — где-то на приличном расстоянии, откуда открывался идеальный обзор.

— Я приказал устроить это на горе за городом, — прошептал Фэн Дунъюэ, почти прижавшись к его затылку и разглядывая белоснежную мочку уха. — Нравится?

В детстве Юнь Мэнцзэ обожал салюты. Его мать пользовалась большим уважением в их крае и каждый год организовывала праздничные фейерверки. Строгая в обычные дни, только по праздникам она разрешала ему носиться с другими детьми без оглядки.

— Какой сегодня день? — завороченно пробормотал Юнь Мэнцзэ, не сводя глаз с неба. — С чего вдруг фейерверк?

— Пока тебе это нравится, любой день может стать праздником, — нежно проговорил Фэн Дунъюэ, глядя в глаза Юнь Мэнцзэ, зажженные огнями. Он страшно ревновал к этим салютам, завладевшим взором любимого. Если бы его воля, он сделал бы так, чтобы Юнь Мэнцзэ смотрел только на него одного.

Прекрасная ночь, любимый человек рядом — даже воздух казался сладким. Взор Фэн Дунъюэ соскользнул к губам доктора. Грохот заградительных залпов постепенно затихал, а вместо него все громче стучало сердце. Расстояние сокращалось. Еще совсем немного, еще капля — и можно будет...

— Вы чего? — Юнь Мэнцзэ внезапно уловил едва заметный аромат клубники. Оторвав взгляд от неба, он обнаружил, что Фэн Дунъюэ очутился прямо перед ним. Его губы влажно блестели — похоже, тот нанес бесцветный клубничный бальзам.

Юнь Мэнцзэ уже собирался спросить, какой бес его попутал и что он вознамерился сотворить со своим ни в чем не повинным зятем, но не успел.

Фэн Дунъюэ нахмурился первым:

— Ты пил?

Подойдя ближе, Фэн Дунъюэ уловил в его дыхании тончайший след алкоголя, а вместе с ним — едва уловимые нотки чужих духов. Настроение мгновенно испортилось.

— Где ты был сегодня вечером? И с кем? — изо всех сил подавляя вспыхнувшее недовольство, с наигранным спокойствием спросил Фэн Дунъюэ. — Вернулся так поздно... Мы с сестрой очень за тебя волновались.

Юнь Мэнцзэ совершенно не горел желанием выяснять, с какой стати тот вечно упоминает свою несуществующую сестру, а потому небрежно отмахнулся:

— Отмечали день рождения коллеги, выпил немного.

Сказав это, он вернулся к созерцанию праздника.

Фейерверк такого масштаба буквально сжигал деньги тоннами с каждым вспыхнувшим кадром. В эту минуту сотни счастливых полуночников по всему городу наверняка признавались в любви своим половинкам, пользуясь чужой щедростью.

А вот признание самого виновника торжества снова потерпело крах. Фэн Дунъюэ уставился на профиль Юнь Мэнцзэ, чувствуя, как внутри закипает глухая ревность. Сколько они знакомы? А тот уже сбегает развлекаться на сторону! Пройдет три-четыре года — и он благополучно забудет клятву, данную под салютом, а там и вовсе начнет шлаться по борделям к плотским лекарям?!

— Глядя на эти огни, я вспомнил одну историю, — издалека зашел Фэн Дунъюэ. — Поговаривают, жил-был владыка замка. Он не просто устраивал кровавые бойни, но и хладнокровно заколол собственного отца и сородичей. Одно его имя наводило такой ужас, что от него не только дети переставали плакать по ночам, но и суровые мужи проливали слезы.

Юнь Мэнцзэ иронично хмыкнул:

— Владыку случайно не Лун Аотянь звали?

Фэн Дунъюэ, погруженный в свои воспоминания, продолжал: тот владыка день и ночь носил свирепую маску демона, и никто не видел его настоящего лица. Все твердили, будто он уродлив

настолько, что вынужден прятать лик под железом.

Однако у него была младшая сестра, вечно жившая в затворничестве. Тех редких счастливиц, кому довелось ее узреть, поражала ее неземная, чистая красота — во всем свете не нашлось бы равных ей. Если так, то и брат, рожденный от тех же родителей, не мог быть дурнушкой. Скорее всего, он просто искалечил лицо, когда отклонился от праведного пути во время медитации.

Чтобы снискать расположение владыки, знатные роды из кожи вон лезли. Банальные попытки подослать дочерей и племянниц давно всех утомили, а потому некоторые начали усердно изыскивать медицинские секреты, пытаясь исцелить его недуг. Ради этого в ход шли любые темные методы: юношей и девушек сплошным потоком отправляли в замок в качестве «живых лекарств».

И вот в один из дней в поместье под видом такого «лекарства» попал осиротевший, но пригожий юноша. Вместе с остальными его заставили выполнять черновую работу. Как-то ночью, проголодавшись, он прошмыгнул на кухню в поисках еды и в саду наткнулся на девушку.

Не ведая, кто перед ним, юноша решил, что эта красавица — еще один подарок деспотичному хозяину. Сжалившись, он поделился с ней половиной украденного грушевого печенья.

Девушка запомнила его имя, но угощение есть не стала — аккуратно спрятала.

Казалось, она страдала лунатизмом и часто бродила по ночам, но слуги никогда ее не останавливали. Юноша решил, что благодаря милости владыки у нее особый статус. Встречая ее, он усаживался с ней в глухом уголке и делился краденными сладостями.

Девушка каждый раз забирала лакомство, но ни разу не притронулась к нему. Юноша дивился, но на все вопросы она лишь загадочно улыбалась.

И вот однажды ночью дева снова, подобно сошедшей с небес небожительнице, отправилась прогуляться при луне к дальним горам за замком. Юноша, наказанный за провинность выгулом духовного зверя, случайно заметил, что за ней по пятам крадется группа людей.

То были убийцы, подсланные врагами владыки и прибывшие в той же партии «лекарств». Не надеясь одолеть самого хозяина, они решили захватить его сестру в заложницы, чтобы обеспечить себе путь к отступлению в случае неудачи.

Разгадав намерения заговорщиков, юноша опередил их, нагнал девушку и укрыл её в потайной пещере.

В горах царил промозглый холод, а разводить огонь было нельзя — заметят. И они сидели,

прижавшись друг к другу. Девушка приклонила голову к его плечу и молвила: пусть даже этой ночью они спасутся, стоит кому-то узнать, что девица провела ночь наедине с мужчиной в глуши, ее репутация будет загублена.

В этот миг над городом вспыхнул салют. Юноша сказал ей: «Знаешь ли ты, что, глядя на фейерверк, можно загадывать желания и давать клятвы?» Он достал припрятанную с ужина кунжутную лепешку, поделился с ней и поклялся перед огнями: если она согласна, он возьмет за нее всю ответственность.

Девушка спрятала половину лепешки, вынула нефритовый подвес и отдала ему в знак верности. Они уснули в обнимку, а на рассвете юноша обнаружил, что остался один.

На этом месте Фэн Дунъюэ сделался преувеличенно мрачным. Юнь Мэнцзэ же не удержался от смешка:

— Кунжутная лепешка в обмен на драгоценный нефрит? Щедрая барышня. А дальше что? Юноша женился на ней, снискал расположение владыки, а то и вовсе одолел демона, взошел на вершину славы и жил с принцессой долго и счастливо?

Это была не просто заезженная фабула из романов и сериалов — это был типичнейший шаблон миссий прохождения, который они в свое время изучили вдоль и поперек.

Фэн Дунъюэ разочарованно вздохнул. Он намекнул насколько возможно прозрачно, а Юнь Мэнцзэ так ничего и не вспомнил!

— Только не говори мне, будто ты напрочь забыл всё, что сотворил с моей сестрой.

Юнь Мэнцзэ искренне не понял:

— Да что я такого сделал с твоей сестрой?

— Зять мой, не искушай мое терпение, — подавляя гнев, выцедил Фэн Дунъюэ. — И не забывайся: ты всего лишь муж моей сестры.

Юнь Мэнцзэ показалось, что если заменить слово «зять» на «женщина» или «любовник», смысл ни капли не изменится. Салют между тем подошел к концу. Вспомнив о позднем часе и совершенно не желая дальше пререкаться с Фэн Дунъюэ, доктор сгреб его за рукав и потащил в сторону корпуса:

— Да-да-да, я буду любить твою сестру всем сердцем. А теперь живо марш в палату, мне спать пора.

Фэн Дунъюэ еще секунду назад мрачно переваривал обиду, но, ощутив, как Юнь Мэнцзэ сам схватил его за руку, мгновенно сменил гневливость на милость. Тяжесть из груди испарилась без следа. Глаза его потеплели, и он бережно перехватил чужие пальцы, сжав их в своей ладони:

— Вечно ты так своенравен... Ничего-то с тобой не поделать.

От его голоса, налитого густым чувством, у Юнь Мэнцзэ по коже побежали мурашки. Он прибавил шаг, спеша как можно скорее водворить этого «повелителя» на место. На протяжении всего пути Фэн Дунъюэ крепко держал его за руку и, даже когда ладони запотели и соприкосновение стало не самым приятным, так и не разжал пальцев.

Юнь Мэнцзэ уже всерьез подозревал у шурина проблемы с психикой. Во избежание новых выходов он лично проконтролировал, как тот улегся в кровать:

— Впредь не шляйтесь по ночам. Если вас засечет охрана или медсестры, от проблем не оберешься.

Он имел в виду лишние хлопоты для персонала. Фэн Дунъюэ же небрежно отмахнулся:

— Чего мне бояться? Весь этот город принадлежит мне. Я могу видеть тебя, когда захочу. А если кто дерзнет создавать тебе трудности, я заставлю его пожалеть о своем появлении на свет.

«Весь город принадлежит мне»? Вот уж действительно исполнено величия и властности. Юнь Мэнцзэ не удержался от смешка:

— Хорошо-хорошо, владыка замка, «упокойтесь с миром», а слуга ваш удаляется.

Обращение «владыка замка» ненадолго заставило Фэн Дунъюэ перенестись в прошлое. Сердце сладостно сжалось. Едва Юнь Мэнцзэ повернулся, чтобы уйти, тот сорвался с кровати и сзади заключил его в плотные объятия.

— Я не могу уснуть один, — низкий, бархатный голос пролился прямо в ухо Юнь Мэнцзэ. — Поговори со мной немного, а?

Как иносказательно! Просто «поговорим по душам», да? А потом слово за слово — и под одним одеялом? А потом «я просто прилягу рядом и ничего не стану делать»?

Сразу видно: шурин далеко не так чист на руку.

Юнь Мэнцзэ пару секунд колебался между броском через спину и ударом пяткой по стопе.

Забываясь о физическом здоровье владельца этого тела, он ограничился тем, что разжал чужие руки, сгрел босса, швырнул его на кровать и заботливо запечатал одеялом до самого подбородка.

Фэн Дунъюэ поджал губы:

— Раз уж ты стал моим зятем, так будь добр исполнять свой зятьковский... долг!

Юнь Мэнцзэ просто лишился слов. Пусть кто-нибудь объяснит, в чем заключается долг зятя перед шурином?!

— Всё! Никаких движений, с кровати ни ногой, — Юнь Мэнцзэ строго ткнул в него пальцем, пытаясь подобрать слова, но в итоге выделил главное: — Это одеяло запечатано моей заклтой печатью!

Фэн Дунъюэ не удержался от улыбки и неожиданно проявил послушание:

— Без твоего дозволения я не сдвинуь с места.

Юнь Мэнцзэ стремительно ретировался с места позора. Уже за дверью он потер пылающее лицо, чувствуя, что где-то внутри него дала трещину логика. Во всем виноват алкоголь, не иначе. К счастью, у шурина оказался вполне терпимый характер — послушался и выходить не стал. С облегчением собрав материалы, доктор поспешил к себе в общежитие.

В палате воцарилась тишина. Фэн Дунъюэ снял очки, обнажив породистое, спокойное лицо. Он лизнул клубничные губы, активировал смарт-браслет и открыл страницу браузера с заголовком: «Как усовершенствовать технику поцелуев и довести партнера до дрожи в коленях».

Хотя с «зятём» они успели зайти дальше некуда, из-за вечной маски на лице они ни разу толком не целовались. Он тысячи раз представлял себе, каковы на вкус губы Юнь Мэнцзэ, и каждый раз страсть овладевала им без остатка.

Сегодня он твердо намеревался воплотить их первый поцелуй, но, опасаясь собственной неопытности, решил в последний момент подтянуть матчасть по советам из сети.

Он сделал всё по науке: нанес приятно пахнувший бесцветный бальзам, выучил разницу между нежным поцелуем с закрытыми губами, властным покусыванием, страстным втягиванием и игривым проникновением языком... Да вот беда — ничего из этого так и не пригодилось.

Фэн Дунъюэ вздохнул, глядя на луну. Не слишком ли он потакает своему младшему зятю? Но что тут поделать, если он органически не переносил даже тени обиды на лице Юнь Мэнцзэ?

В момент этой светлой печали Фэн Дунъюэ случайно заметил на прикроватной тумбочке белый медицинский халат.

Возвращаясь, Юнь Мэнцзэ под предлогом жары от быстрой ходьбы скинул его, заодно выскользнув из чужой ладони. А во время разговора в палате просто бросил на тумбу и, уходя, благополучно забыл.

Фэн Дунъюэ прищурился. Медленно, будто боясь спугнуть, он протянул руку, зацепил халат и потянул его к себе на кровать. Зарывшись лицом в белую ткань, он глубоко вдохнул.

А-а-ах... Запах Мэнцзэ!

Неужели тот действительно «просто» бросил его на тумбочку и «забыл» забрать? Или оставил нарочно, чтобы смутить его покой?

— Твой замысел удался, — пробормотал Фэн Дунъюэ, сжимая халат в объятиях и прижимая его к щеке. В душе бушевала сладкая, беспомощная нежность к этому несносному зятю.

Едва Юнь Мэнцзэ переступил порог своей квартиры и даже не успел сменить обувь, как на браслет пришло сообщение. Фэн Дунъюэ рассчитал время с точностью до секунды:

«Цзэ, ты дома? Я ложусь спать, и ты ложись пораньше, поспи побольше, чтобы восполнить силы. Спокойной ночи. [Моя жизнь прекрасна, когда в ней есть ты.gif]»

Взирая на этот слепящий глаза пестрый гиф-стикер в лучших традициях пенсионерских чатов, Юнь Мэнцзэ молча снял браслет, отключил питание, швырнул его на обувную полку и отправился в душ, а затем сразу в постель.

Он проспал до полного насыщения. Пошатался по квартире в домашней одежде, раздумывая, чего бы перекусить. Тут в коридоре раздался шум. Приоткрыв дверь, он убедился: как и предполагалось, вернулась Чжу Сяонань.

После ночи буйного веселья лицо Чжу Сяонань блестело от жира, а сама она с туманным взглядом гипнотизировала собственную дверь, явно забыв цифровой код.

Юнь Мэнцзэ подошел и привычно набрал комбинацию. Замок пикнул, ригели отошли.

— Прошу вас, о богиня, — Юнь Мэнцзэ под локоть ввел Чжу Сяонань в прихожую и усадил на обувницу, чтобы та разулась.

Чжу Сяонань взъерошила волосы и горестно вздохнула:

— Все, я постарела. Раньше могла тусить ночь напролет и ходила огурчиком, а нынче после полуночи просто отключаюсь. Я! Королева караоке! Заснула на диване прямо под дикий рев микрофона!

Любой другой на его месте стал бы сочувственно уверять, что богини не стареют, а она просто устала на работе. Но Юнь Мэнцзэ лишь с улыбкой заметил:

— Раз осознаешь, что годы берут свое, так смирись. Если нет ночных дежурств, укладывайся в одиннадцать, а не то обзаведешься ранней плешью и морщинами.

Чжу Сяонань запустила в него сумочкой. Он ловко поймал ее, поставил на стол и направился к кухне, заглядывая в холодильник:

— Сестрица, нашла бы ты себе наконец мужчину.

Чжу Сяонань, переодевавшаяся в комнате, высунула голову:

— Че-го-о? Мне просто нужно выспаться, а в мужчинах я не нуждаюсь!

Юнь Мэнцзэ вытащил продукты:

— Ну да, ну да. У тебя тут сплошные огурцы, кукуруза, баклажаны и кабачки. И ингредиенты, и спутники жизни — полная комплектация.

Чжу Сяонань огрызнулась:

— Заткнись, пошляк!

Юнь Мэнцзэ быстро обработал овощи, раскалил сковороду, плеснул масла и сноровисто застучал ножом. В считанные минуты на столе красовались оладьи из кабачков с яйцом, тушеные баклажаны в соусе, куриные кубики с огурцом в соевой пасте и густой кукурузный суп:

— Ваше Величество, трапеза подана, прошу к столу.

Холостяцкий стаж давал о себе знать: простые домашние блюда он готовил на раз-два. Чжу Сяонань, уснувшая было за время готовки, доплелась до стола, но, уловив аппетитный аромат, тут же замолчала.

Схватив палочки, она спохватилась и вытащила телефон:

— Сделай вид, что тянешься за едой. И добавь пальцам немного сексуальности.

— Это как? — Юнь Мэнцзэ попытался изобразить требуемое, попутно ворча: — Обычная стряпня, а не королевский банкет. Чего тут фотографировать?

— В отличие от пышных банкетов, домашняя еда куда уютнее, милее и романтичнее, — Чжу Сяонань вымерила ракурс, сфотографировала стол вместе с изящной кистью Юнь Мэнцзэ, наложила фильтр и выложила в соцсеть:

«Вернулась после бурной ночи домой, а на столе уже ждет горячий обед. Каждое мгновение в тридцать лет — это сплошное счастье».

Хитрый ход: текст и фото так и лучились намеками. Дескать, пусть ей уже тридцать и она тусуется до утра, всегда найдется заботливый кулинар, готовый ждать ее с домашними разносолами. Фотография с аппетитными блюдами и явно мужской рукой давала ровно три доли двусмысленности, три доли интриги и четыре доли чистой хвастливой патоки.

Чжу Сяонань пролистала ленту. Всю ночь лента пестрела снимками грандиозного салюта. День был самым обычным, но масштаб зрелища поражал.

Кто-то гадал, не крупная ли корпорация устроила промоакцию, кто-то грешил на эксцентричного богача. Фотографии гремели не только в лентах, но и в топах Вэйбо: хэштег «#перепости_салют_и_желание_исполнится» вырвался на первое место.

Показав пару снимков Юнь Мэнцзэ, Чжу Сяонань поцокала языком:

— Вот это я понимаю — спускать миллионы ради улыбки красавицы! Завидую страшно! Выйти бы за такого замуж и прибрать к рукам его казну!

Юнь Мэнцзэ невозмутимо отозвался:

— Сделай кто-то такое ради тебя, ты бы все равно отказала.

— Отказать — это одно, а позавидовать — совсем другое! — авторитетно заявила Чжу Сяонань.
— К тому же ради меня никто и никогда подобных безумств не совершал.

Похоже, ключевым словом для нее было «безумств». Юнь Мэнцзэ перевел тему, кивнув на ее свежий пост:

— И почему я опять работаю реквизитом для отваживания твоих ухажеров?

Буквально за пару минут публикация собрала кучу лайков и комментариев. Знакомые исходили завистью и одиночеством.

— Ты просто незаменимый кадр для хозяйства! — отщедрилась на похвалу Чжу Сяонань. — Врач, кулинар и шофер в одном флаконе. Симпатичный, да еще и живешь за дверью. Не будь я убежденной холостячкой, давно бы тебя прибрала. Слушай, красавчик, тебе любовница не нужна?

Юнь Мэнцзэ поспешно отказался:

— Избавь. Бай Мо меня загрызет.

Тот уже в комментариях грозился отрубить неизвестному хахалю руки.

Чжу Сяонань понимающе кивнула:

— Тогда останемся в деловых отношениях. Ты мне — еду, я тебе — дифирамбы.

Юнь Мэнцзэ усмехнулся:

— Какая выгода для меня!

Уничтожив все запасы, Чжу Сяонань утерла губы и мгновенно сжгла мосты:

— Всё, свободен. Богиня удаляется на покой. Понадобисься — вызову.

— Приятных снов, — проходя мимо, Юнь Мэнцзэ тепло улыбнулся и ласково взъерошил ей шевелюру.

Чжу Сяонань смерила его кротким взглядом:

— Ты только что вытер жирные пальцы о мои волосы, да?

Юнь Мэнцзэ выскользнул за дверь:

— Доброго дня!

Расправившись с обедом, он вернулся к себе и погрузился в рабочие материалы, готовя планы лекций на следующую неделю. За работой время пролетело незаметно — подкрался вечер.

Юнь Мэнцзэ хотел черкнуть Чжу Сяонань сообщение и позвать на ужин, но, взяв смартфон, обнаружил, что тот так и пролежал отключенным. Едва система загрузилась, как вызовы и сообщения посыпались градным дождем. Он бегло просмотрел входящие: студенты с вопросами, коллеги по рабочим моментам, Бай Мо с паническими расспросами о чьей-то руке на фото и... целая батарея пропущенных от Фэн Дунъюэ.

Проигнорировав слезливые эмодзи Бай Мо, он ответил на важные рабочие запросы. Затем, с коротким колебанием, набрал номер Фэн Дунъюэ.

Судя по журналу, тот звонил с пяти утра ровно раз в час. Настойчивость граничила с паникой.

Но едва пошел вызов, как автоответчик чеканным голосом выдал:

«Извините, ваш номер внесен пользователем в список нетрадиционных контактов».

Внесен в черный список! Юнь Мэнцзэ искренне восхитился: из всех завоевателей этот оказался самым гордым. Настоящий шурин — кремень!

В этот момент поступил звонок из больницы. Юнь Мэнцзэ принял вызов и услышал знакомый тревожный лепет.

— Доктор Юнь, вы на острове? — тараторила Чжун Мянь. — Извините за беспокойство в выходной, но вы не могли бы срочно приехать?

Юнь Мэнцзэ уже натягивал куртку:

— Что стряслось?

— Господин Фэн... Он наотрез отказывается оставаться и требует немедленной выписки!

Ночью всё было спокойно — с чего бы ему вдруг сбегать на следующий день? За всю историю практики Юнь Мэнцзэ еще не видел завоевателей, сдававшихся так стремительно.

Прибыв в корпус А, он застал Чжун Мянь у входа в крайнем смятении. На расспросы медсестра пояснила: весь день Фэн Дунъюэ ходил мрачнее тучи, но вел себя тихо, а во второй половине дня ни с того ни с сего потребовал документы на выписку. Дело дошло до того, что лично

главврач приходил его отговаривать.

Босс не буянил, а лишь ледяным тоном заявил: смысла пребывать здесь больше нет, и он уезжает сию же минуту.

Под конец рассказа Чжун Мянь чуть не плакала:

— Слава богу, вы включили телефон! Я... я ведь ничего не сделала предрассудительного? Вдруг это из-за меня пациент так расстроился?

Молоденькая Чжун Мянь отличалась чрезмерной мягкостью и робостью. Она всегда принимала близко к сердцу проблемы больных, но из-за неуверенности любую внештатную ситуацию приписывала собственным грехам.

Юнь Мэнцзэ мягко успокоил ее:

— Ты ни при чем. У больного просто сдали нервы. Иди работай, я сам с ним разберусь.

Девушка кивнула и поспешила в главный корпус. Юнь Мэнцзэ поднялся на пятый этаж, где у дверей палаты дежурил Ли Юй.

Помощник встретил его как спасителя. Ситуация выглядела аховой: босс погрузился в глубочайшую экзистенциальную кручину, словно весь мир обратился в пепел, и непременно желает уехать.

Сейчас Фэн Дунъюэ свято верил, что Ли Юй оформляет бумаги, тогда как тот просто час с лишним топтался в коридоре.

— Прости, у меня разрядился браслет. Спасибо за выдержку, я с ним поговорю, — Юнь Мэнцзэ кивнул Ли Юю и толкнул дверь.

В палате Фэн Дунъюэ работал симулятор окружающей среды. На сей раз был выбран ночной пляж: мистический лунный свет, тихий шелест набегающих волн, легкий бриз и кружащие лепестки ночной сакуры. Картина дышала изысканной, поэтичной тоской. Сам глава корпорации восседал в инвалидном кресле в темных очках, наброшенном на плечи врачебном халате и скорбно созерцал морскую гладь. Каждая линия его фигуры буквально вопила об одиночестве.

М-да... «Ты любишь море, а я — уходить красиво».

Юнь Мэнцзэ подошел ближе:

— Господин Фэн, говорят, вы решили выписаться? Не объясните, что случилось?

Фэн Дунъюэ медленно повернул голову, чуть сдвинул очки и уставился на него темными кругами под глазами, в которых читался немой укор.

Юнь Мэнцзэ едва удержал улыбку, сохраняя профессиональную мину:

— Страдаете бессонницей? Прерывистый сон? Кошмары?

Фэн Дунъюэ подпер пальцами висок и печально произнес:

— Наступила осень. Мысль о том, что пышная зелень сада увядает, не дает мне уснуть. Меня мучит головокружение.

Так вот почему он взгромоздился в кресло-каталку! Юнь Мэнцзэ почувствовал оскороину от такой драмы:

— Что ж, тогда вам стоит отдохнуть.

— Нет, это гипогликемия, — Фэн Дунъюэ сокрушенно вздохнул, не получив желаемой порции заботы. — Мне станет лучше, если я услышу пару нежных слов.

Юнь Мэнцзэ молча наблюдал за этим представлением:

— Если вам нездоровится, я выпишу лекарства. Но с чего вдруг мысли о выписке?

Фэн Дунъюэ небрежно повертел в руках пульт от симулятора:

— Вы так заняты, доктор Юнь. Мои ничтожные проблемы не стоят внимания. Не буду мешать. Узнаю лучше у Ли Юя, готовы ли документы.

Юнь Мэнцзэ уловил в его тоне ядовитые нотки, но останавливать не стал:

— Звоните.

Фэн Дунъюэ с мрачным видом отдал команду на вызов, но система выдала сообщение: «Сеть недоступна».

Юнь Мэнцзэ тонко улыбнулся:

— Входя, я случайно активировал глушилку сигнала в этой палате.

— И почему ты молчал? — Фэн Дунъюэ слегка нахмурился. — Чего ты добиваешься? Хочешь отрезать меня от внешнего мира и держать в заточении? Ах ты...

Юнь Мэнцзэ изогнул бровь:

— Кто «я»?

Фэн Дунъюэ:

— Ах ты, садист в очках...

Юнь Мэнцзэ мог бы просто не подписать обходной лист, и точка. Но раз уж переполошили главврача, проблему требовалось решить деликатно. Ради памяти хозяина тела он переступил через себя:

— Я сейчас свободен. Говорите, я слушаю.

Фэн Дунъюэ криво ухмыльнулся:

— А тебе самому нечего мне сказать?

Прошлой ночью, отправив сообщение, он так и не смог заснуть, гипнотизируя экран.

Спустя пять минут ответов не последовало. Убедившись, что сеть исправна, он начал гадать: чем занят Юнь Мэнцзэ? Не увидел или еще не добрался до дома?

Спустя десять минут — тишина. Фэн Дунъюэ колебался: стоит ли написать еще раз? А вдруг это оттолкнет? А если он уже спит и сообщение его разбудит?

Спустя двадцать минут глаза Фэн Дунъюэ налились кровью. Почему молчит?! Уснул? А почему не пожелал спокойной ночи?! Он заблокировал его номер или вообще вычеркнул из своей жизни?!

Промучившись до рассвета, Фэн Дунъюэ набрал номер, но телефон был отключен. Он метался по палате, придумав 999 жестоких причин этой недоступности: Юнь Мэнцзэ полюбил другого, Юнь Мэнцзэ тяготится его обществом, Юнь Мэнцзэ на него плевать...

Луна померкла, море увяло, жизнь потеряла смысл. За что этот мир так жесток к нему?! На душе было мерзко, как от опавших лепестков сакуры — несчастная, беспросветная драма

ушедшей любви.

После очередного неудачного звонка Фэн Дунъюэ в сердцах занес Юнь Мэнцзэ в черный список. Впрочем, не пробыв там и десяти секунд, доктор был амнистирован.

А вдруг Юнь Мэнцзэ прямо сейчас пытается пробиться к нему, а звонок не проходит?!

Все утро он совершал этот безумный ритуал: блокировал, удалял, набивал номер по новой. Он даже от обеда отказался. А во второй половине дня случайно подсмотрел в телефон медсестры, листавшей ленту, и увидел тот самый пост Чжу Сяонань.

Одного взгляда хватило, чтобы узнать руку. Рука Юнь Мэнцзэ.

Он изучил эту кисть до малейшей косточки — она согревала и ласкала его тело в сотнях ночей. Он угадал бы её даже с закрытыми глазами.

В тот миг его сердце раскололось на мелкие осколки.

Юнь Мэнцзэ не ответил на сообщение, не попрощался перед сном, прятался без связи весь день — пока Фэн Дунъюэ изнывал от тревоги, этот человек готовил изысканный обед для какой-то женщины!

А теперь стоял здесь и с невинным видом спрашивал, почему он выписывается?!

Фэн Дунъюэ знал: в отличие от его фанатичной привязанности, Юнь Мэнцзэ мог в любой момент уйти в свою обычную, счастливую жизнь. Мысль о том, что единственный лучик света гаснет, погружала его в непроглядную тьму.

И все же, глядя на врача, Фэн Дунъюэ отказывался объясняться. Если двое любят друг друга, слова не нужны. Если Юнь Мэнцзэ дорожит им, он сам должен догадаться и оправдаться за молчание и за этот «любовный обед»!

— Я? — Юнь Мэнцзэ догадался, что тот дует из-за недозвона. — Если вы про отключенный браслет, то он просто сломался. Я только что его починил.

Фэн Дунъюэ желчно усмехнулся:

— И это всё? Думаешь, я проглочу эту глупую отговорку? Ты прекрасно знаешь, в чем провинился.

Юнь Мэнцзэ даже развеселился:

— И в чем же?

Почему тон шурина так напоминает упреки обманутой жены?

— Не забывай, — голосом, от которого веяло арктическим холодом, прочеканил Фэн Дунъюэ, — ты женат на моей сестре. Если я узнаю, что ты шляешься по бабам и крутишь романы на стороне, сам знаешь, что с тобой будет.

Юнь Мэнцзэ не мог не отдавать должное этому парню. Мало того что отправил в черный список и устроил демарш с выпиской, так еще и держится за роль шурина с железной хваткой! Концепт оригинальный, ничего не скажешь.

Юнь Мэнцзэ охотно включился в игру:

— Владыка замка, извольте выражаться яснее. Я искренне не понимаю, чем провинился перед вашей сестрой.

Фэн Дунъюэ выдержал трехминутную паузу, борясь с собой, но в итоге вытащил фото, добытое у медсестры:

— Это твоя рука? Ты специально ходил к ней готовить? Или остался на ночь?

Он хотел сдержаться, хотел дождаться признания, но эмоции хлынули через край. Каждое слово давалось с трудом, ранила собственную грудь. Дыхание давалось с трудом — казалось, он сейчас задохнется.

Юнь Мэнцзэ сам бы не узнал свою руку по снимку — Фэн Дунъюэ умудрился сработать как настоящий детектив.

Видя, как «проницательный шурин» стремительно погружается в пучину драмы об измене, Юнь Мэнцзэ кратко изложил суть: просто помог коллеге с обедом. Фэн Дунъюэ выслушал, прищурился и глухо спросил:

— Ты же врешь?

И хотя слова звучали сурово, в глазах мелькнула отчаянная надежда на отрицательный ответ.

Юнь Мэнцзэ проявлял ангельское терпение к пациентам, но к завоевателям у него был иной подход:

— А вы угадайте.

Фэн Дунъюэ питал смесь любви и ненависти к этой его уверенности в своей безнаказанности. Подкатив на кресле вплотную, он осторожно сжал кончики пальцев Юнь Мэнцзэ и спросил с затаенной тревогой:

— Почему у тебя такие холодные руки?

Юнь Мэнцзэ только открыл рот, чтобы ответить, как Фэн Дунъюэ добавил:

— Оттого что здесь прохладно? Или оттого что у тебя совесть нечиста?

Какая поэтичная язвительность! Юнь Мэнцзэ чуть не расхохотался:

— Я просто вымыл руки перед входом.

Фэн Дунъюэ снова умолк, словно выискивая в воздухе следы фальши. Спустя долгое время он тихо заговорил:

— То, что Сяовэй наговорила обо мне... это недоразумение. У меня были причины так поступить.

Юнь Мэнцзэ не ожидал, что тот вдруг перескочит на тему племянницы. Впрочем, прошлые тайны хозяина тела отлично выуживались именно из этих «завоевателей». Он приготовился слушать.

Ободренный его вниманием, Фэн Дунъюэ чуть потеплел:

— Я не пытался запретить ей любить. Я просто боялся, что ее обманут. Тот «образцовый» бывший, о котором она твердит, параллельно встречался с несколькими девицами в городе, да еще и с парнем! А его попытка суицида была обычным шантажом. Только эта дурочка могла поверить в отравление.

А тот мелкий бандит, которого мои люди приставили к стенке... Я узнал, что он тянул из Сяовэй деньги на дозу. Он просто использовал ее, вот я и приказал всыпать ему как следует.

Фэн Дунъюэ вздохнул:

— У нее ужасный вкус на людей — вся в мать, мою старшую сестру. Ту тоже скружил голову женатый мужчина. Она забеременела и родила Сяовэй в семнадцать лет, а потом... Я был строг с племянницей только потому, что не хотел для нее такой судьбы.

Юнь Мэнцзэ отметил, что у «пациента» прорезалась недюжинная потребность высказаться.

— Но я не сержусь на нее за обиды, я всё понимаю, — Фэн Дунъюэ перевел взгляд с искусственной луны на Юнь Мэнцзэ, и на его губах расцвела нежная улыбка. — Будь я на ее месте, встань кто-то между мной и моим любимым человеком... я бы стер этого подлеца в порошок.

Улыбка Фэн Дунъюэ была невероятно хороша: ласковые глаза, прикрытые густыми ресницами, ровный мягкий свет. Вот только от смысла его слов по спине бежал мороз.

<http://bllate.org/book/20119/1991982>